

ИСТОРИЯ ТЕКСТА КАК МЕТОД ЕГО АНАЛИЗА:
О СТИХОТВОРЕНИИ ВЯЧ. ИВАНОВА *ЗЕМЛЯ*

Геннадий Обатнин

Известно, что последним прижизненным поэтическим сборником Вяч. Иванова стала *Нежная тайна*. Правда, архивы разных городов и стран хранят в своих недрах несколько его издательских планов разной степени готовности, но поскольку они так и не осуществились, стихи, написанные после 1912 года и собранные после смерти поэта в книге *Свет вечерний*, зачастую становились объектами повторного к ним обращения и переделок. К ним относится стихотворение Иванова *Земля*, которое в своем последнем, опубликованном варианте имеет все признаки идейного высказывания.

Земля

Илье Голенищеву-Кутузову

Повсюду гость, и чуженин,
И с Музой века безземлен,
Скворещниц вольных граждан,
Беспочвенно я запределен.

И по-иному луг мне зелен,
Журчит иначе студенец
Под сенницей лесных молелен,
Чем жнице ль, пастушку ль овец,

Микулам, сельским уроженцам,
Поднявшим ралами поля...
Но и скитальцам, отщепенцам
Ты мать родимая, Земля.

И в одиночестве, в пустыне,
В смарагдовой твоей раине,
Едва склонюсь к тебе, дремля, —
Ты шепчешь, сонный мох стеля,
О колыбеле, о святыне.

Цитатой из этого текста названа книга С.С. Аверинцева, что поясняется уже в первых ее строках: “Слова, вынесенные в заглавие нашей

статьи, взятые из поэтической самохарактеристики поэта, которая вышла из-под пера шестидесятилетнего Вяч. Иванова в августе 1926 г., в Риме, когда Россия окончательно осталась за спиной”, далее приведено первое четверостишие и отмечено: “Ведь и само это стихотворение – переработка сонета, датированного еще 1915 годом”.¹ Именно обращение Иванова к своему раннему тексту служит для Аверинцева свидетельством того, насколько сознание своей “беспочвенности” и “запредельности” было не сиюминутным (эмигрантским), а сущностным для писателя, чей путь виделся ученому лежащим “между мирами”. Как уточняет О. Дешарт, стихотворение *Земля* было написано “в Риме, в августе 1928 г. Напечатано в “Современных Записках”, Париж, 1937, LXIII. Поэт Илья Голенищев-Кутузов часто посещал В.И. в Риме во время летних вакаций 1928 г.”² Отклик адресата текста в письме к Иванову от 11 июля 1937 г. задает первое, напрашивающееся прочтение стихотворения: “Сердечно был тронут стихами мне посвященными – в них тема изгнания и тема родины, Ваши и мои и обще-русские”.³ Обращает на себя внимание концентрация в ивановском тексте устаревших и диалектных слов – студенец, сenniца, ралы, раиня, причем последние два использованы в творчестве Иванова в первый и последний раз. Слово *раиня* не было полностью забытым, достаточно напомнить, что так назывался стихотворный сборник Л. Столицы (1908), любительницы декоративных фольклорных стилизаций. Эпиграфом к нему стояла цитата из народной

¹ Аверинцев С.С. “Скворешниц вольных граждан...”. Вячеслав Иванов: путь поэта между мирами. СПб., 2001. С. 5.

² Это подборка текстов: *Каменный дуб* (“Хмурый молчальник, опять бормочу втихомолку стихами...”); *Notturmo* (“Ропот воли в сумраке полей...”); *Собаки* (“Ни вор во двор не лезет, ни гостя у ворот...”); *Родина* (“Родина, где ты?...”); *Земля* (“Повсюду гость, и чуженин...”); *Сверстнику* (“Старина! Еще мы дюжи мыкать...”); *Могила* (“Тот в праве говорить: “Я жил”...”); *Умер Блок* (“В глухой стене проломанная дверь...”); *Воспоминание о А.Н. Скрябине* (“Развертывалась дружбы нашей завязь...”) // *Современные записки*. 1937. № 63. С. 164-169. Из них только стихотворение *Могила*, написанное в январе 1917 г., было ранее опубликовано в бакинском сб. “Норд”, 1926. Этот вопрос волновал редактора журнала В. Руднева, который в письме к Иванову от 11 февраля 1937 г. просил указать, какие из вошедших в цикл стихотворений “являются inédits в точном смысле слова”, поскольку “мы хотели бы печатать в “С[овременных] з[аписках] только Ваши *новые* стихотворения” (см.: “О прозе для ‘Современных записок’ обещаю серьезно подумать. А покамест все угощаю Вас стихами”: В.И. Иванов / Публ., вступ. ст. и прим. А.Б. Шишкина // “Современные записки” (Париж, 1920-1940): Из архива редакции / Под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. М., 2012. Т. 3. С. 967).

³ Шишкин А. Переписка В.И. Иванова и И.Н. Голенищева-Кутузова // *Euroпа Orientalis*. 1989. Vol. VIII. С. 523.

песни, где использована та же пара слов, что в тройной рифме у Иванова, только в другой падежной форме: “Ох ты матушка пустыня / Прекрасная раиня...”. Впрочем, песня цитируется и в словаре русского языка В. Даля, который мог послужить источником для обоих писателей. В этой связи нельзя не вспомнить и о том, что уже в конце сентября того же 1928 г. Иванов приступил к написанию *Повести о Светомире Царевиче*, в стиливую задачу которой входит обновление забытых слов и выражений.⁴

В законченном черновом автографе, хранящемся в Римском архиве, стихотворение носит заглавие “Отдых в лесу” и уже имеет посвящение Голенищеву-Кутузову. На том же листе находится черновик стихотворения *Осень*, которое, если верить Дешарт, было написано в 1915 г. в Москве, а исходный текст первой строфы будущей *Земли* читается так:

Повсюду чуженин-пришлец,
Бесколыбелен, безземелен,
Скворешниц выпрених жилец
Беспочвенно я запределен.⁵

Название было зачеркнуто и заменено на *Землю* только на самом последнем этапе работы над текстом, в машинописи.⁶ Еще один автограф с незначительной правкой записан на другом листе, на обороте которого находится беловой автограф все той же *Осени* (кстати, представляющей собой пейзажную зарисовку полей накануне зимы, III, 32):

С младенчества обезземелен,
Жилец подоблачных лачуг,
Беспочвенно я запределен,
И по-иному луг мне зелен,
И весел по-иному луч,
Чем предкам, степи уроженцам,
Чем дедам, холившим поля,
Но и потомкам-вырожденцам
Еще ты мать, [Сыра] о Мать-Земля!⁷

⁴ Топорков А.Л. “Повесть о Светомире Царевиче” Вячеслава Иванова: от замысла до его воплощения // *Иванов В. Повесть о Светомире Царевиче* / Изд. подготовили А.Л. Топорков, О.Л. Фетисенко, А.Б. Шишкин. М., 2015. С. 194.

⁵ РАИ Оп. 1. Карт. 1. Папка 12. Л. 185 (http://www.v-ivanov.it/archiv/opis-1/karton-1/p12-1927-28/op1-k01-p12-f185_otdyh_v_lesu.jpg, дата посещения 8.3.2017).

⁶ РАИ Оп. 1. Карт. 1. Папка 12. Л. 188а (http://www.v-ivanov.it/archiv/opis-1/karton-1/p12-1927-28/op1-k01-p12-f188a_zemlya.jpg, дата посещения 8.3.2017).

⁷ РАИ Оп. 1. Карт. 1. Папка 12. Л. 186 об. (http://www.v-ivanov.it/archiv/opis-1/karton-1/p12-1927-28/op1-k01-p12-f186v_s_mladencestva.jpg, дата посещения 8.3.2017).

В этом варианте, незаконченный чернильный черновик которого также сохранился в Римском архиве,⁸ отметим самоименование поэта выроджденцем крестьянского рода. В еще одном карандашном варианте того же текста выродженцы заменены на отщепенцев окончательного варианта, а в начале текста обозначено местоположение обиталища героя, город:

С младенчества обезземелен,
Градских скворешниц певчий гость,
Беспочвенно я запределен.⁹

В записанных на отдельном листе черновых набросках первой строфы вторая строка читалась “Я обитаю на подмостках” и даже “Я на подмостках городов”.¹⁰ Таким образом, гражданин скворешниц был назван выроджденцем, потом отщепенцем, и даже латентно актером – актером города. Кроме того, в архиве поэта в Пушкинском Доме сохранился первоначальный вариант того же стихотворения. У этого правленого беловика проставлена дата под текстом, свидетельствующая о том, что автор воспринимал его как законченный, а на обороте находится его же густо правленный черновик. Стихотворение добавляет синонимов к вышеупомянутым автохарактеристикам поэта:

Горожанин

Как сын эфира, запределен,
Природы бескорыстный друг,
Я – царь подоблачных лачуг
И жрец беспочвенных молелен.

И лес мне по-иному зелен,
И ясен по-иному луг,
Чем предкам, ведшим в поле плуг:
Затем, что я обезземелен.

Но как усердный чужанин,
[В горящий] Под праздник в храм зашед случайный,
Торжественный впивает чин, –
Так действуют необычайно

⁸ РАИ Оп. 1 Карт. 1. Папка 12. Л. 187 (http://www.v-ivanov.it/archiv/opis-1/karton-1/p12-1927-28/op1-k01-p12-fl187_s_mladencestva.jpg, дата посещения 8.3.2017).

⁹ РАИ Оп. 1 Карт. 1. Папка 12. Л. 188 (http://www.v-ivanov.it/archiv/opis-1/karton-1/p12-1927-28/op1-k01-p12-fl188_s_mladencestva.jpg, дата посещения 8.3.2017).

¹⁰ РАИ Оп. 1 Карт. 1. Папка 12. Л. 187 об. (http://www.v-ivanov.it/archiv/opis-1/karton-1/p12-1927-28/op1-k01-p12-fl187v_s_mladencestva.jpg, дата посещения 8.3.2017).

На горожанина поля:
Ему ты слаще, Мать-Земля!
28 ноября¹¹

Заметим, что присутствие в этом тексте “царя лачуг”, возможно, отчасти мотивирует сохранившееся во всех вариантах одно из ключевых слов “(о)безземелен”: имя английского короля Иоанна Безземельного находится на слуху хотя бы благодаря названию пьесы в стихах П.А. Катенина (1820). Этот вариант стихотворения уже известен специалистам по творчеству Иванова, поскольку он был опубликован в брюссельском Собрании сочинений (IV, 42) по беловому автографу из альбома Н.В. Дризена, на чьей среде, как сообщает А. Конечный, присутствовал Иванов.¹² Именно его имел в виду Аверинцев, говоря об ивановской *Земле* как о переделке его старого сонета. В альбоме Дризена стихотворение неопределенно датировано “Декабрь 1915 г.”, но вслед за ивановской следует запись Ф. Сологуба, которую приводим полностью:

Может быть, не обманчива надежда на то, что тон высокой трагедии ложится и на наш театр; на дорогах его уже завиваются буйные вихри. Правда, в них много сору, – ветер поднял то, что нашел, – но хочется верить, что эти вихри предвещают великолепное зрелище с гроыханием грозного грома и с могучими вспышками прекрасных молний. Мечтою деятельною преобразается мир, и за пожаром всенародных битв мечтается праведная жизнь. Героем трагических событий является уже не полубог, не царь, не вождь, а весь народ, – только всенародным подвигом, напряжением всех сил нашей родины может быть преобразена Россия.

Но театр в наши дни все еще не живет в чистой сфере высокого искусства. Быть может, в ближайшие годы ему суждено быть театром эротизированных кроликов. Перетерпим эту печаль в надежде на лучшее будущее, к которому станем деятельно готовиться.

10 декабря 1915 Федор Сологуб.¹³

Правдоподобным будет предположить, что именно на этой среде и побывал Иванов, записав в салонный альбом свое свежее стихотворение.

¹¹ ИРЛИ Ф. 607. № 118. Л. 59 об.

¹² См.: *Конечный А.М.* Блок и театрально-литературные беседы (“среды”) Н.В. Дризена // Мир А. Блока. Блоковский сборник. Тарту, 1985. С. 82, 87. В комментариях к IV тому сообщается, что Иванов “присутствовал на ‘средах’ 30 марта 1911 г., в ноябре 1915 г., в декабре 1915 г.”, но эта информация верна только в отношении первой и последней из дат. Подпись поэта стоит среди дюжины других под записью известного актера: “Столкновение разных взглядов и мнений художественной мысли – это тот ангел, который возмущал Силоамскую Купель. Без него – мертва гладь искусства. 30 Марта 1911 г. Кн. А. Сумбатов” (РНБ Ф. 263. Ед. хр. 363. Л. 12 об.).

¹³ РНБ Ф. 263. Ед. хр. 363. Л. 88.

Убеждает в этом и повод, по которому он вместе с В.К. Шварсалон оказался в Петрограде: состоявшееся накануне, 9 декабря, выступление на “лекции-концерте” памяти А.Н. Скрябина в Малом зале консерватории, где писатель в первый раз читал доклад “Взгляд Скрябина на искусство”.¹⁴ Но кроме того, именно у Сологубов останавливалась чета Ивановых во время этой поездки, о чем свидетельствует письмо В.К. Шварсалон к Ан. Н. Чеботаревской, датируемое по штемпелю 21 декабря 1915 г.: “Хочу еще раз поблагодарить Вас и Федора Кузмича за ваше сердечное гостеприимство. Наше пребывание у вас <...> дало еще много ценного в виде наших ночных бесед у камина. <...> Вячеслав говорит, что спит гораздо хуже без диванчика и первые ночи очень о нем скучал”.¹⁵

Попробуем очертить контексты, актуальные для *Горожанина*. Накануне, 27 ноября 1915 г., Иванов написал стихотворение *Исповедь земле*,¹⁶ и осторожно можно предположить, что сюжет этого текста, убийство человека и дерева и в особенности прошение о прощении за это от земли, косвенно связан с *Горожанином*:

Припади к Земле ты, грешный человек,
Обещай родимой больше не грешить (III, 84)

¹⁴ См. краткое газетное объявление: “В Малом зале консерватории лекция Вячеслава Иванова, посвященная памяти А.Н. Скрябина, с музыкальными иллюстрациями проф. московской консерватории А.Б. Гольденвейзера (Речь. 1915. 9 декабря. № 339. С. 4, факсимиле афиши см. в: *Иванов В.* Повесть о Светомире Царевиче. С. 738). Прочсть лекцию 9 декабря в Петроградском Скрябинском обществе Иванова пригласил, как это было заведено с самого начала его работы, А.Н. Брянчанинов телеграммой от 5 ноября 1915 г. (НИОР РГБ Ф. 109. Карт. 14. Ед. хр. 4. Л. 6). От него же почти через месяц после визита Иванова пришло письмо от 3 января 1916, посвященное итогам деятельности Общества (финансовым в том числе), где среди прочего от его лица выражалась благодарность за участие в лекции-концерте 9 декабря (Там же. Л. 8). Дабы очертить приблизительные сроки всей поездки, отметим, что 2 декабря на заседании московского “Общества сближения с Англией” обсуждался прочитанный писателем уже 22 ноября доклад “Россия, Англия и Азия”, а судя по фразе “начинаем поджидать Вас” в письме находившейся в Москве Е. Эрн к В. Шварсалон от 12 декабря 1915, регулярно сообщавшей ей новости о сыне, Ивановы тогда все еще были в Петрограде (НИОР РГБ Ф. 109. Карт. 40. Ед. хр. 8. Л. 10). В следующем году Иванов еще дважды прочтет тот же доклад, в январе в Москве и в апреле в Киеве, см. подробнее: *Мыльникова И.А.* Статьи Вяч. Иванова о Скрябине // Памятники культуры: Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1983. Л., 1985. С. 93, 103).

¹⁵ ИРЛИ Ф. 189. № 289. Л. 1 – 1 об.

¹⁶ Дата приводится в нашей работе “Вяч. Иванов о ‘последних временах’” (в печати).

Референтная ситуация для этого умозрительного сюжета найдется позднее, когда стихотворение будет в дополненном и измененном виде посвящено М. Цветаевой, потерявшей в начале 1920 г. свою дочь Ирину и переживавшей свою вину (последняя мысль была высказана М. Боровиковой в прениях по ее докладу на Тыняновских чтениях 2016 г.). Отметим, что *Исповедь земле* Иванов вскоре после написания поместил в состав рождественской подборки из своих стихов в газете “Русское слово”, что может косвенным образом свидетельствовать об “альбомном”, легком характере *Горожанина*, который, заняв свое законное место, не нуждался в дальнейшей публикации. Рискнем даже предположить, что за обоими текстами (а, возможно, и за стихотворением *Осень*) могут стоять просто-напросто переживания от реальной или запланированной прогулки за город, ведь недаром одно из позднейших названий стихотворения было *Отдых в лесу*, который в стихотворении *Земля* описывается зримо (“Едва склонюсь к тебе, дремля”). Концепт “Матери-земли” в стихотворении *Горожанин*, не теряя своих античных, фольклорных и литературных коннотаций,¹⁷ также служит фреймом для весьма конкретной эмоции. В качестве одного из свидетельств нелюбви поэта к такому времяпрепровождению сошлемся предсмертный дневник Л.Д. Зиновьевой-Аннибал, который она вела в Загорье в 1907 г. Запись от 22 сентября: “Как смешно водить В-ва в темноте через луг в маленький дом обедать. Он всегда в отчаянье, но это почти единственный его “воздух и прогулки”, а на следующий день: “А в Березине возвращалось стадо и В-в прижимался к забору, побаиваясь и любуясь – в сторонке”.¹⁸ Поэтому слова Иванова в статье “Две стихии в современном символизме” о “сократовском предпочтении городских прогулок загородным” (II, 542, намек на слова философа Федру из одноименного диалога Платона, 230 d) можно читать как автобиографические.

¹⁷ О его культурных контекстах, разумеется, не раз писалось в ивановедении. Эпиграф к стихотворению *Персть*, “Воистину всякий пред всеми за всех и за всё виноват”, как и цитата оттуда “Я Землю, Землю лобызал!” (I, 68 – 69), являются аллюзиями на слова Зосимы из “Братьев Карамазовых” (см.: Lindgren N. Символ Матери-Земли у Вячеслава Иванова и Достоевского // Canadian-American Slavic Studies. 1990. Vol. 24 №. 3. С. 315-316). На античный источник для выражения указал сам Иванов, поставив к своему стихотворению *Земля* (из *Кормчих звезд*, I, 550) купированную цитату из стихотворной молитвы Пелиад, которые пророчествовали у жителей Додоны, где было святилище Зевса; о ней рассказал Павсаний в *Описании Эллады*: “Дарует Гея плоды: зовите Матерью землю” (Paus. 10.12.10, см.: Павсаний. Описание Эллады / Пер. и вступ. ст. С.П. Кондратьева. М., 1994. Т. II. С. 426).

¹⁸ РАИ Оп. 1. Карт. 5. Тетрадь 25. В настоящий момент полный текст дневника готовится нами к публикации.

Однако герой этого стихотворения не только горожанин-домосед, но и “царь подоблачных лачуг”, то есть скворечниц (ивановскую огласовку этого слова можно было бы назвать московской). В двух черновиках стихотворения *Земля*, записанных в ивановской тетради, он назван “Гость-чуженин, пришлец-поэт”.¹⁹ Ассоциация поэта и птицы относится к числу настолько распространенных, что проследить все перипетии и коллизии этого сюжета в нашей заметке не представляется возможным. Укажем лишь в этой связи на актуальную для поэтического мира Иванова фигуру поэта-лебедя, восходящую ближайшим образом к двадцатой оде из второй книги Горация, переведенной или переложенной на русский язык Державиным, Блоком, Брюсовым и еще семью поэтами.²⁰ Она дала название ивановскому циклу *Лебединая память*, опубликованному в августе 1915 г., куда входило, например, стихотворение *Превращение*, в *Свете вечером* получившее название *Поэт*:

Дух замерший из орла
Лебедем воздвигнул,
Дал мне белых два крыла,
Лирой выю выгнул (III, 491)

В свете предложенной Ивановым генеалогии поэта-птицы-горожанина от “предков, ведших в поле плуг”, или Микул (очевидно, былинных Селяниновичей), “поднявших ралами поля”, актуально звучат и слова из проповеди Христа: “Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их” (Мф. 6, 26).

¹⁹ РАИ Оп. 1. Карт. 5. Папка. 16. Л. 35 об. (<http://www.v-ivanov.it/archiv/opis-1/karton-5/p16/op1-k05-p16-f35v.jpg>, дата посещения 8.3.2017).

²⁰ См.: Античная поэзия в русских переводах XVIII-XX вв.: Библиографический указатель / Сост. Е.В. Свиясов. СПб., 1998. С. 291. Разумеется, лебедь Горация был частью разветвленной античной поэтической традиции, вехи которой бегло намечены в словарной статье: “Swans also became a metaphor for poets/singers (Eur. Herc. 691; Eur. Bacch. 1365) such as Orpheus in the Underworld (Plat. Resp. 10,620a), Anacreon (Anth. Pal. 7,30), Pindar (Hor. Carm. 4,2,25) and Horace (ibid. 2,20; cf. Prop. 3,3,39). It symbolizes an older poet with his art perfected, in contrast to ravens (Callim. fr. 260,65 Pfeiffer; Mart. 1,53,7; Apul. De deo Socratis pr.), swallows (Lucr. 3,6 f.), cranes (Lucr. 4,181), owls (Verg. Ecl. 8,55) or geese (ibid. 9,36; Prop. 2,34,83 f.). Antipater of Tarsus judges its song to be inferior to that of cicadas (Anth. Pal. 9,92), but equal to that of larks (ibid. 9,307 and 380)” (*Hünemörder Ch. Swan // New Pauly Online & Supplements: encyclopaedia of the ancient world / English translation edited by Christine F. Salazar (Antiquity) and Francis G. Gentry (Classical Tradition)*, <http://referenceworks.brillonline.com/browse/brill-s-new-pauly>, дата просмотра 11.3.2017).

Как указывает Дешарт, *Превращение* написано 25 января 1915 г., а 21-м числом в первой публикации датировано еще одно стихотворение Иванова, развивающее родственную образность. Это полемическое стихотворение *Голубятня*, опубликованное почти ровно год спустя после написания во втором томе альманаха “Гюлистан”. Еще одна из “подоблачных лачуг” здесь названа “воздушным шалашом”, и находится она, судя по упоминанию стогн, в городе:

Людская молва и
жителейская ложь,
Алмазистой стаи
моей не тревожь!
Все знаю, в воздушный
шалаш восходя
И взгляд равнодушный
по стогнам вода:
С родной голубятней
расстался бы я, –
Была бы понятней
вам песня моя.
Эфирному краю²¹
скажи я “прости”
И белую стаю
свою распусти,²² –
Я был бы любезен
синклиту судей
И миру полезен
“богатством идей”.²³

²¹ Обратим внимание на переключку с первой строкой *Горожанина*: “Как сын эфира, заперделен”, а также отметим этот мотив в стих. *Поэзия*, где Ева названа “невинное чадо эфира, моя золотая сестра” (III, 487). Как указывает Дешарт, стихотворение было написано в Москве в феврале 1915 г. и вошло в *Лебединую память*.

²² Разумеется, этот образ вызывает в памяти название сборника А. Ахматовой *Белая стая*. Несмотря на то, что книга вышла в 1917 г., ее стихотворение “Я не знаю, ты жив или умер...” было написано летом 1915 г., и оно уже содержит строки: “Все тебе: и молитва дневная, / И бессонницы млеющий жар, / И стихов моих белая стая, / И очей моих синий пожар”. Стихотворение было впервые опубликовано в коллективном сборнике *Пряник осиротевшим детям*, увидевшим свет в 1916 г., и, таким образом, пока мы можем говорить либо о совпадении, либо об общих источниках этого образа.

Мы привели стихотворение в том виде, в каком оно появилось в альманахе, поскольку в *Свет вечерний* оно вошло с другой графикой и заменой последнего четверостишия на более нейтральное по содержанию: “Я стал бы вам нужен, и сроден, и мил, / С недужным недужен, с унылым уныл” (III, 494).²⁴ В цикл, помещенный в втором томе “Гюлистана”, в отличие от первого, вошли и другие стихи “легкого” жанра: *Воспоминание о Яффе* и *В альбом М.И. Балтрушайтис*.

Чем Иванов был так раздражен в “Голубятне”? В письме от 30 января 1915 г. Шварсалон информировала своего находившегося на фронте брата Константина: “Наш друг Володя (Эрн) вызывает страшнейшие “умственные бои” своими рефератами о Германии о связи войны с немецкой философией и религиозно-философскими воззрениями. Много юных философов, научившихся в нем.<ецских> унив.<ерситетах>, не могут примириться с тем, чтобы видеть внутренние корни немецкой воли овладеть миром всеми средствами, хотя сами нем.<ецкие> писат.<ели> и фил.<ософы> в газетах ярко себя присоединяют ко всем действиям этой <?> войны”.²⁵ В этой цитате в первую очередь имеются в виду два заседания Религиозно-философского общества им. В. Соловьева, состоявшееся накануне 29 января 1915 г. о “Сущности немецкого феноменализма” (прочитанный на нем одноименный доклад Эрна вошел в его сборник *Меч и крест*), а также 15 января на тему “О нашем отношении к германской культуре”.²⁶ На следующий день после последнего, в письме от 16 января философ писал своей жене: “Вчера было заседание нашего общества. Я в виде вступления рассказал своими словами с до-

²³ Гюлистан: Альманах. 1916. [Кн.] 2. С. 10-11.

²⁴ Беглый анализ сохранившихся в Римском архиве черновиков этого стихотворения показывает, что использование строчных букв в каждой второй строке, оговоренное в специальной помете на беловом автографе (РАИ Оп. 1. Карт. 1. Папка 4. Л. 57), надо понимать не только как своего рода публицистический “прозаизм”, но и как шаг на пути к будущему сдваиванию строк в окончательном варианте текста. Как и в случае с *Землей*, существенные лексические и графические изменения текста появились только на заключительном этапе его подготовки к печати, в машинописи (РАИ Оп. 1. Карт. 2. Папка 2. Л. 94). Отметим также, что в римской тетради “Голубятня” записана вместе с тремя другими текстами, в том числе с *Разводной* и *Погостом*, рядом с которым стихотворение и было впервые опубликовано (РАИ Оп. 1. Карт. 5. Папка 4. Л. 87).

²⁵ НИОР РГБ Ф. 109. Карт. 37. Ед. хр. 37. Л. 13 об.

²⁶ *Ермишин О.Т.* Московское религиозно-философское общество памяти Вл. Соловьева: хроника русской духовной жизни // Литературоведческий журнал. 2011. № 28. С. 220.

бавлениями свою статью о германской культуре (предназначавшуюся для “Утра России”). Я прилагаю тебе отчет. Он очень перевертан. Вяч<е-слав> говорил совсем не то. Бедный репортер сбежал с половины заседания (чтобы поспеть со своей заметкой) и получил поэтому совсем неправильное впечатление”.²⁷ Газета “Утро России”, где появилась упомянутая здесь заметка, с самого начала намеревалась осветить это событие, так как в день его проведения опубликовала о нем краткое объявление.²⁸ На следующий день появился так задевший философа отчет, в котором речь Иванова передавалась следующим образом: “Вяч. Иванов, очевидно, забыв свой доклад о ”вселенском смысл войны”, сделал историческую справку о культурах зрелых и незрелых. К первым он отнес культуру немецкую, а ко вторым – культуру русскую. Первым свойственна повышенная оценка своего и принцип денационализма (усвоение только общего), вторым – стыд за свое, перенимание чужого и стремление к верхушкам знания. Мы доживаем период незрелости, в то время как Германия обладает культурой законченной и зрелой. Уже чувствуется голод по германской культуре, и не только у нас, а и у Франции и Англии, которые питались германской культурой”.²⁹ По счастью, в архиве Иванова сохранились три листка с обрывочными записями основных положений его выступления, причем некоторые из них дублируют друг друга, как будто поэт, не удовлетворенный ходом своих мыслей, взялся занести их еще раз. Среди записей есть такие, как “Такова культура становящаяся” (слово, более свойственное Иванову,

---

²⁷ Взыскующие града: Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках. М., 1997. С. 610. Кроме упомянутого Эрном отчета о заседании, газета “Русские ведомости” поместила краткую заметку следующего содержания: “Вчера религиозно-философское Общество устроило собрание несколько иного типа. Это было не столько заседание с обстоятельными докладами, сколько “беседа” с коротким вступлением в нее. Темой беседы было “наше отношение к германской культуре”. Вступление сделал В.Ф. Эрн. В обмене мнений участвовали кн. Е.Н. Трубецкой, Л.В. Успенский, Вячеслав Иванов, С.Ф. Кечетиан, С.Н. Булгаков, Б.А. Грифцов, С.Н. Дурылин, В.М. Турбин, Н.В. Устрялов, Ю.В. Ключников, Б.П. Вышеславцев. Беседа шла очень оживленно. Резюмировал ее Г.А. Рачинский. Беседы такого типа предполагается продолжать; темой следующей беседы будет “феноменализм в германской философии” (1915. 16 января. № 12. С. 4).

²⁸ См.: “Сегодня состоится закрытое заседание религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева, в котором будет происходить беседа на тему: “О нашем отношении к германской культуре”. Вступление к беседе сделает В.Ф. Эрн. Заседание состоится в квартире М. Морозовой” (Утро России. 1915. 15 января. № 15. С. 4).

²⁹ Б.п. “Наше отношение к германской культуре” // Утро России. 1915. 16 января. № 16. С. 4.

нежели “незрелая”), или “Переоценка своего”, а также одна из немногих законченных фраз: “Денационализация как процесс усвоения культурных ценностей”. Останавливает внимание и стоящая особняком сентенция: “Самодовлеющая этика вообще подвергается *соблазну* биологического мирозерцания, – как это ни странным кажется на первый взгляд”.³⁰ Впрочем, вполне возможно, что она представляет собой высказывание С.Н. Булгакова или отклик Иванова на его идеи, поскольку он, в изложении все того же корреспондента, говорил о том, что у русских “есть свой глухой зов, своя тоска к иной культуре – религиозной”.

Судя по всему, корреспондент все же достаточно верно пересказал основные мысли выступавших,³¹ но Эрн посчитал необходимым печатно заявить о своем несогласии с этим текстом, опубликовав в “Утре России” “письме в редакцию” под названием “В Соловьевском обществе”. Здесь он указал, что о заседании “в печать проникли не совсем правильные сведения”, что “может быть подхвачено германофильскими элементами нашего общества”, в существовании которых философ не сомневался, и похвалил далее Общество за мудрость в предоставлении возможности “германофильской молодежи высказать до конца свои незрелые и “зеленые” мысли о германской культуре”. Главное, что хотел подчеркнуть Эрн, состояло в другом: “В вечере, о котором я говорю, характерно не то, что в нем раздались германофильские речи (кстати сказать, весьма корректные по форме), а то, что они совершенно потонули в речах противоположного характера. И потонули не потому, что речей германофильских было мало (четыре), а речей противоположного направления было много (десять). Нет, в развитии беседы, которая шла нарастая, речи германофильского направления были внутренне зачеркнуты и с большим подъемом преодолены речами других героев. <...> их случайные мысли были бесследно развеяны могучим подъемом многих речей, в которых правда России и неправда Германии в настоящем их столкновении отнюдь не только военном, были утверждены и с большим красноречием и с большей убедительностью”. Наконец, Эрн дохо-

³⁰ НИОР РГБ Ф. 109. Карт. 4. Ед. хр. 66. Л. 1-3.

³¹ Так, например, его пересказ вступительного слова Эрна (см.: “Мы находились все время в рабском подчинении к форсированному германскому культурному экспорту”) вкупе с процитированным выше его письмом к жене позволяет установить, что философ излагал свои идеи, которые в печатной форме выльются в фельетонах “Ненужные рыдания” и “Что такое форсировка?”, опубликованных в той же газете 22 января и 10 февраля соответственно (об ивановском их восприятии, см. в нашей работе: *Обатнин Г.В. “Φιλία” Вяч. Иванова как ракурс к биографии // Вячеслав Иванов: pro et contra*. СПб., 2016. Т. 2. С. 421-422).

дит до изложения сути разговора, не касаясь, впрочем, самого содержания выступлений: “Последняя линия шла нарастая. Начавшись с речи кн. Е.Н. Трубецкого, она утвердилась прежде всего в тонкой и глубокой речи Вяч. Иванова (в которой г. Грифцов напрасно искал какого-то расхождения с прежней речью его “Вселенское дело”), затем пламенно поднялась вверх в задушевной, всех тронувшей речи С.Н. Булгакова и нашла блестящую моральную транскрипцию в горячо сказанной речи г. Вышеславцева”.³² Таким образом Эрн стремился скорректировать впечатление о превалировании на заседании германофильских настроений, которое могло сложиться после чтения газетной заметки в “Утре России”. Иванов, разделяя и защищая идеи Эрна, сам становился объектом критики со стороны их противников, и “Голубятня” является одним из его ответов на это. Однако в качестве маски для ответчика Иванов избрал образ поэта, живущего с птицами высоко над “людской молвой и житейской ложью”.

Горожанин и *Земля* представляют собой формы и этапы процесса универсализации сиюминутного. Эмигрантское стихотворение, получившее в конце концов столь значимое для Иванова заглавие, представляет собой припоминание (анамнезис) своего прототипа, который звучал теперь былинно и фольклорно, потеряв свою салонную сонетную форму. “Горожанин”, изначально означавший то же самое, что и “гражданин”, со временем переместился из “града” в “мир”, как и сам его создатель в “Вечный Город”.

---

³² Утро России. 1915. 18 января. № 18. С. 6.